

Моргана
Редж

КАВКАЗСКИЙ МУЖ
Право первой ночи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Моргана Редж

**Кавказский муж.
Право первой ночи**

«Автор»

2026

Редж М.

Кавказский муж. Право первой ночи / М. Редж — «Автор», 2026

Меня выдали замуж за нелюбимого человека. Но его старший брат решил воспользоваться древней традицией - право на первую ночь со мной. От автора: Предупреждение: традиции вымышленные! Сюжет без отсылок к реальности! В книге есть: сильная любовь, горячий красавец, немного драмы. Хэппи-энд обязательно!

© Редж М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Глава 7.	18
Глава 8.	20
Глава 9.	22
Глава 10.	24
Г	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Моргана Редж

Кавказский муж. Право первой ночи

Глава 1.

Салима

Воздух в гостиной густой и сладкий, как прокисший сироп. От аромата дорогих восточных сладостей, разложенных в хрустальных вазах на низком столике, слегка першит в горле. Я сижу на жестком диване, впиваясь пальцами в шелковую обивку, и стараюсь дышать реже. Мой взгляд прикован к узору на ковре – замысловатым переплетениям линий, которые ведут в никуда. Как и моя жизнь.

Голос отца ровный, безапелляционный. Он не говорит, он объявляет приговор.

– Салима, все решено. Через неделю будет свадьба. Ты выйдешь за Алишера.

Слова падают, как тяжелые камни, в тишину комнаты. В висках стучит: «Нет! Нет! Нет!»

Но губы не слушаются. Я поднимаю на отца глаза, ищу в его строгом, привычном до мельчайших морщин лице хоть каплю сомнения, колебания. Нахожу только холодную, отполированную уверенность.

– Папа, но я его почти не знаю, – голос мой звучит тоньше обычного, почти детски. – Мы виделись всего... сколько? Два раза?

– Для чего тебе знать его? – отец отламывает кусочек пахлавы, словно мы обсуждаем погоду. – Ты знаешь его семью, его положение. Он из хорошего рода. Состоятельный. Молодой. Чего еще тебе?

Молодой. Мне двадцать. Ему тридцать. Но в его взгляде, том самом, тяжелом и оценивающем, когда он смотрел на меня в прошлый раз, не было ничего молодого. Была плотоядная уверенность собственника. Мурашки бегут по спине.

– Он мне неприятен, – вырывается у меня шепотом, последняя попытка отстоять клочок своей воли.

Отец, наконец, отводит взгляд от сладостей и смотрит на меня. Его глаза сужаются.

– Чувства – это не роскошь, Салима. Это баловство. Ты будешь уважать своего мужа. Он обеспечит тебя, даст тебе дом, детей. Это и есть счастье. Остальное... приложится.

Он говорит это с такой простотой, как будто предлагает мне новое платье, а не отдает мою жизнь, мое тело, все, что я есть, в руки незнакомого, чужого мужчины. В груди все сжимается в тугую, болезненный комок.

– А если я не хочу? – сил почти не осталось, вопрос – просто жалкий шепот в пустоту.

Отец вздыхает, устало, будто я опять пятилетняя, которая не хочет ложиться спать.

– Этого хочет твоя семья. Этого требует наш долг. Это поможет нашему бизнесу. Ты не ребенок, чтобы капризничать. Ты будешь послушной дочерью и примерной женой. Всё решено.

«Всё решено». Эти два слова ставят жирную точку. Они – стена, о которую разбиваются все мои надежды, все мои тихие мечты о другом будущем, о любви, о хоть каком-то выборе. Я чувствую, как по щеке скатывается предательская слеза, и быстро смахиваю ее, чтобы отец не увидел. Не подумал, что я слабая. Я не слабая. Я в ловушке.

Я просто киваю, сжимая челюсти до боли. Да, у меня есть зубки. Просто сейчас кусаться бесполезно. Стены этой золотой клетки пока слишком прочны.

Отец, видя мое молчаливое согласие – а что еще ему видеть? – смягчается.

– Он будет хорошим мужем. Ты привыкнешь.

Я встаю, ноги ватные. Мне нужно уйти, остаться одной, пока я не разрыдалась здесь, перед ним, не унизилась еще больше.

– Я поняла, – мой голос глухой, чужой. – Можно я пойду?

Он кивает, уже погрузившись в чтение каких-то бумаг. Моя судьба решена, можно переходить к другим делам.

Я выхожу из гостиной, переступаю порог своей старой жизни, которая закончилась вот прямо сейчас, за эти пять минут. Поднимаюсь по лестнице в свою комнату, закрываюсь и прислоняюсь спиной к прохладной деревянной двери.

За окном заходит солнце, окрашивая горы в кроваво-красные тона. Красиво и зловеще. Как мое завтра.

Алишер. Его имя отзывается во мне глухой тоской. Я вспоминаю его руки, большие, с тяжелыми перстнями, его глаза, когда он на меня смотрел. Вспоминаю его ухмылку, взгляд, который ползал по мне, раздевая, оценивая каждую деталь. В нем не было ни капли нежности, только аппетит. Холодный, плотский аппетит.

Мне страшно. До тошноты страшно. Он будет прикасаться ко мне этими руками. Он будет моим первым... всем. Так живут все, Салима. Женщина не имеет право выбора.

Я сжимаю кулаки. Никто не спросил меня. Никто не подумал о том, чего хочу я. Меня просто... подарили. В обмен на что-то – на связи, на статус, на иллюзию продолжения рода.

Я не знаю, что будет дальше. Я даже представить не могу, как переживу эту свадьбу, эту брачную ночь...

От одной этой мысли по телу пробегает ледяная дрожь. Я зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать образ его тела, его грубых прикосновений.

Просто плачу в подушку, стараясь делать это бесшумно. Одна в своей комнате, на краю пропасти.

***Добро пожаловать в новую увлекательную историю в духе кавказских страстей!
Будет эмоционально, красиво, драматично))) Добавляйте книгу в библиотеку и ставьте
звездочки! Люблю вас!***

Глава 2.

Салима

Меня одевают, как куклу. Роскошную, бездушную куклу для ритуала. Белое платье, усыпанное кристаллами, тяжелое и неудобное, впивается в кожу. Голова гудит от приглушенных голосов женщин, которые суетятся вокруг меня, поправляя складки, закалывая фату. Их лица размыты, их улыбки фальшивы. Они говорят о счастье, о прекрасной партии, о том, какая я счастливица. Их слова – пустой звон, который раздражает слух.

Я смотрю на свое отражение в огромном зеркале. Незнакомка с бледным, застывшим лицом и слишком большими глазами, в которых застыл чистый, животный ужас. Сегодня мой день никяха. Сегодня меня официально продадут и купят.

В памяти всплывает лицо Алишера. Его влажные губы, сложенные в усмешку, когда он в последний раз оценивающе оглядел меня на одной из помолвочных церемоний. Его пальцы, тогда сжавшие мое запястье так сильно, что остался синяк, под предлогом помочь мне подняться. – Скоро ты будешь моей, совсем, – прошипел он тогда у самого уха. От этих воспоминаний по спине бегут мурашки, и в горле встает ком.

– Все готово, можно выходить, – говорит одна из тетюшек, и ее голос звучит, как удар колокола.

Меня ведут по длинному коридору. Каждый шаг дается с трудом, ноги ватные, сердце колотится где-то в горле. Я слышу приглушенный гул мужских голосов из гостиной. Там они. Отец. Алишер. Гости.

Дверь открывается.

Взгляды десятка мужчин тяжело опускаются на меня. Я чувствую себя животным на аукционе. Я опускаю глаза, мне нельзя на них смотреть. Вижу только дорогие ковры и начищенные до блеска туфли присутствующих.

Мой отец стоит с торжественным и немного напряженным видом. Рядом с ним – Алишер. Он в дорогом костюме, от него пахнет резким парфюмом. Его взгляд, тяжелый и голодный, ползает по мне, по моему телу, по бедрам, скрытым тканью. Он улыбается, и эта улыбка не сулит ничего хорошего. Он уже мысленно раздевает меня. Прямо здесь. При всех.

Мне дурно. Комната плывет.

Мулла начинает читать суры. Слова о покорности, о долге жены, о святости брака. Они смешиваются в моей голове в невыносимый гул. Я машинально повторяю нужные слова, когда мулла обращается ко мне.

Алишер говорит свое «да» громко, уверенно, с вызовом. Он доволен собой. Он получил новую игрушку.

Затем наступает момент обмена кольцами. Его пальцы холодные, они сжимают мою руку снова, слишком сильно, будто предупреждая о том, что будет потом. Я едва сдерживаю порыв вырваться. Прикосновение его кожи к моей вызывает тошноту.

И вот оно. Все кончено. Мужчины подходят, жмут Алишеру руку, отцу. Мне бросают формальные, ничего не значащие поздравления. Я стою, улыбаясь натянутой, застывшей улыбкой, которая, кажется, сейчас треснет и осыплется, как штукатурка.

И тут мой взгляд, блуждающий по комнате в поисках точки опоры, натывается на него.

В углу зала, чуть в стороне от всех, прислонившись к косяку двери, стоит незнакомый мужчина. Он не подходит поздравлять, не участвует в общем ликовании. Он просто смотрит.

И сейчас его взгляд прикован ко мне.

Он старше Алишера, ему под сорок, наверное. В его позе – какая-то небрежная, но невероятная мощь. Он одет строго, даже аскетично по сравнению с другими, но качество ткани и

покрой кричат о деньгах и вкусе. Лицо со строгими, резкими чертами, прорезанное морщинами у глаз. И глаза... Боже, эти глаза.

Они темные, почти черные, и в них нет ни капли праздничной суеты. Они серьезные, пронзительные, изучающие. Он смотрит на меня не как на вещь, не как на трофей. Он смотрит... как будто видит. Видит мой ужас. Видит мою фальшивую улыбку. Видит всю мою внутреннюю дрожь.

Наши взгляды встречаются на секунду, и в груди у меня что-то обрывается. Это не то отвращение, которое я чувствую к Алишеру. Это что-то другое. Что-то опасное, глубокое, от чего перехватывает дыхание.

Я первая отвожу глаза, смущенная, сбитая с толку этой внезапной связью, установившейся в самой сердцевине моего унижения.

– Кто это? – успеваю я шепнуть своей сестре, которая стоит рядом.

– Камиль, – так же тихо отвечает она. – Старший брат твоего мужа.

Старший брат. Почему смотрит на меня так, будто может читать мои мысли?

Алишер, заметив мой растерянный взгляд, хмурится. Он грубо берет меня под локоть, притягивая к себе, заявляя права.

– Пойдем, – его голос шикает у самого уха. – Пора поздравить тебя должным образом.

Его дыхание обжигает щеку, и от его слов кровь стынет в жилах. Он имеет в виду не праздничный стол. Его «поздравление» начнется, когда он затащит меня в спальню.

Меня ведут, почти тащат, через толпу гостей. Я в панике бросаю последний взгляд в тот угол.

Камиль все так же стоит там. Он не улыбается. Его лицо – каменная маска. Но его кулаки сжаты. И во взгляде, который он бросает на спину своего брата, я читаю нечто такое, от чего мне становится одновременно чуть менее страшно и бесконечно тревожно.

Глава 3.

Салима

Его пальцы впиваются в мой локоть, как стальные клещи. Алишер не ведет, он тащит меня через шумную толпу гостей, собравшихся в холле. Улыбки, поздравления, обрывки фраз – все это сливается в оглушительный, бессмысленный гул. Я вижу лица, но не вижу людей. Только маски, прилипшие к ним на этот вечер.

– Куда мы? – мой голос звучит слабо, почти неслышно, потерянно в общем гаме.

Он не отвечает. Только его пальцы сжимаются еще сильнее, и он резко одергивает меня в сторону, в узкий, затемненный коридор, ведущий в жилую часть дома. Шум праздника сразу становится приглушенным, далеким. Здесь пахнет пылью и старым деревом.

– Я сказал, пора поздравить тебя должным образом, жена, – его голос низкий, хриплый, он вплотную прижимает меня к стене, заслоняя собой весь мир.

Его тело – твердое, неуступчивое – давит на меня. От него пахнет дорогим коньяком и чем-то острым, животным. Мое сердце колотится где-то в горле, готовое выпрыгнуть. Я пытаюсь отодвинуться, но за спиной – холодная гладь обоев. Пути к отступлению нет.

– Алишер, подожди... гости... – я пытаюсь найти разумный довод, что-то, что остановит его.

– Пусть ждут, – он отрезает. Его рука скользит по моей шее, грубые пальцы сдавливают горло, не чтобы задушить, а чтобы продемонстрировать власть. – Они уже все видели. Теперь ты моя. Полностью.

Его лицо так близко. Я вижу поры на его коже, темные, жадные глаза, в которых нет ничего, кроме голода. Не любви. Не нежности. Голода. Он наклоняется, и его губы грубо прижимаются к моим. Это не поцелуй. Это захват. Это пометка территории.

Я замираю от ужаса и отвращения. Все внутри меня кричит, бьется в истерике, но тело парализовано. Он пользуется этим. Его рука срывается с моего горла и опускается ниже, к вырезу платья, к горлу кристаллов, скрывающему мою грудь. Его пальцы нащупывают молнию на спине.

– Нет... – это не слово, а стон, полный отчаяния.

– Ты скажешь «да», – он дышит мне в лицо, и его слова – обжигающее обещание боли. – Скоро скажешь.

Он рвет молнию. Шелк с неприличным, громким шелестом расходится, обнажая плечи, спину. Прохладный воздух коридора касается кожи, и меня бьет дрожь. Алишер даже не довел меня до спальни. Чувствую себя мерзко.

Его рука грубо охватывает мою обнаженную грудь, сжимая так, что больно. Я вскрикиваю, пытаюсь вырваться, оттолкнуть его, но он лишь смеется – низко, похабно.

– Драться будешь? Хорошо. Я люблю, когда дерутся.

Он всей тяжестью наваливается на меня, прижимая к стене, свободной рукой пытается задрать подол моего платья. Я зажмуриваюсь. Слезы, наконец, прорываются и текут по щекам, горячие и беспомощные. Я чувствую его возбуждение, жесткое и требовательное, упирающееся в мое бедро. Мир сужается до этого коридора, до запаха его дыхания, до боли в сдавленной груди, до ледящего ужаса от того, что вот-вот произойдет.

– Перестань... пожалуйста... – я умоляю, но знаю, что это бесполезно.

Вдруг его тело резко замирает. Давление ослабевает. Он отрывается от моей шеи, и я чувствую, как его внимание смещается куда-то позади себя.

– Что тебе? – рычит он, не оборачиваясь, голос полон раздражения и злобы.

Я открываю глаза, залитые слезами. В конце коридора, в рамке дверного проема, стоит фигура. Высокая, почти полностью скрытая тенью. Но я узнаю его сразу. По той молчаливой, сконцентрированной мощи, что исходит от него.

Камиль...

Он не двигается. Не издает ни звука. Но его молчание громче любого крика. Оно висит в воздухе, тяжелое и грозное.

– Я занят, брат, – Алишер произносит слово «брат» с ядовитой насмешкой. – Иди к гостям.

Камиль делает шаг вперед. Свет из холла падает на него, и я вижу его лицо. Оно абсолютно спокойно. Слишком спокойно. Как гладь озера перед бурей. Его глаза – темные, бездонные – скользят по мне, по моему растерзанному платью, по слезам на щеках, по руке Алишера, все еще вцепившейся в мою грудь. В его взгляде нет ни удивления, ни осуждения. Есть лишь холодная, безжалостная констатация факта. И что-то еще... что-то темное и непонятное, что заставляет мое сердце замирать уже по-другому.

– Именно поэтому я здесь, – голос Камиля низкий, бархатный, и он режет тишину, как лезвие. В нем нет ни капли эмоций. Только непоколебимая уверенность. – Ты забыл о традиции, Алишер.

Алишер замирает. Его пальцы медленно разжимаются, освобождая меня. Я чувствую, как его тело напрягается, но уже не от возбуждения, а от ярости.

– Какая еще традиция? – он фыркает, но в его голосе слышится неуверенность. – Это древний бред.

– Не в нашей семье, – парирует Камиль.

Он делает еще один шаг, и теперь он совсем близко. Его рост, его ширина плеч заставляют Алишера инстинктивно отступить на полшага, прикрывая меня собой. Как будто я уже его добыча, которую у него пытаются отнять.

– Право первой ночи. Мое право. Как старшего в роду.

Воздух выходит из моих легких. Право... первой ночи? Сердце замирает. Я слышала о таком лишь в страшных историях, в учебниках по истории. Это не может быть правдой. Это не может происходить со мной.

Алишер издает какой-то животный, подавленный звук.

– Ты серьезно? Ты хочешь воспользоваться этим? Сейчас?

– Я не хочу, – голос Камиля все так же спокоен, но в нем появляется стальная твердость. – Я требую то, что положено мне по праву. Или ты хочешь оспорить это право? Здесь и сейчас?

Он не повышает голос. Но каждый его звук – это ультиматум. Он смотрит на брата, и в его взгляде – вызов и тот непререкаемый авторитет, против которого Алишер, при всей своей наглости, бессилен.

Алишер смотрит на него с ненавистью. Я вижу, как сжимаются его кулаки, как дрожит челюсть. Он хочет ударить, взорваться, но что-то удерживает его. Не уважение. Страх. Глубокий, животный страх перед старшим братом.

– Хорошо, – он вдруг выдыхает, и это слово звучит как плевок.

Он отступает от меня, его взгляд, полный немой ярости, скользит по мне, а затем переходит на Камиля.

– Бери свою дань, старший брат. Насладись. Но помни – после тебя она все равно будет моей.

Он поворачивается и, не оглядываясь, уходит обратно к гостям, к празднику, оставив меня одну в полумраке коридора с незнакомым мужчиной, который только что предъявил на меня свои права.

Я прислоняюсь к стене, пытаюсь устоять на дрожащих ногах, пытаюсь стянуть на себе разорванное платье. Слезы текут ручьем, но я даже не пытаюсь их смахнуть. Я смотрю на

Камиля, на этого молчаливого, страшного человека, который спас меня от одного кошмара, чтобы самому стать моим кошмаром.

Он подходит ко мне. Медленно. Его шаги бесшумны по ковровой дорожке. Он останавливается в двух шагах, не приближаясь, не пытаясь коснуться.

– Иди за мной, – говорит он тихо. Его голос больше не ледяной. В нем слышится какая-то странная, сдержанная тяжесть.

– Нет... – я шепчу, прижимая к груди лоскутья свадебного платья. – Пожалуйста...

Он смотрит на меня. И в его глазах, таких бездонных, я, наконец, вижу что-то кроме холодной решимости. Я вижу боль. Глубокую, старую боль. И что-то, что похоже на... понимание.

– Я не причиню тебе зла, Салима, – он произносит мое имя впервые, и оно звучит на его губах как-то по-новому, нежно и сильно одновременно. – Но мы должны сделать это. Иначе он вернется. И я не смогу остановить его во второй раз.

Он протягивает руку. Не чтобы схватить. Чтобы предложить.

Я смотрю на его ладонь. На темноту коридора, где исчез Алишер. На свое разорванное платье.

И делаю шаг вперед.

Глава 4.

Камиль

Она смотрит на мою протянутую руку как загнанный зверь на единственный выход из ловушки, зная, что этот выход может вести к другой клетке. В ее глазах – паника, слезы и та самая ограненная сталь, которую я заметил еще в зале, во время никяха. В ней чувствуется сила, стержень. Правильно. Иначе бы она уже сломалась.

Ее пальцы, холодные и дрожащие, едва касаются моей ладони. Я не сжимаю их. Просто даю опору. Ее кожа под моими пальцами кажется хрупкой, как старинный фарфор, который вот-вот треснет. От этого прикосновения по моей спине пробегает электрический разряд. Глупый, неуместный, болезненный.

– Иди, – говорю я, и мой голос звучит хриплее, чем я хочу. – Никто не тронет.

Я веду ее по коридору, в сторону личных апартаментов, подальше от этого цирка, от пьяного смеха и притворных поздравлений. От своего брата. От одного вида которого, у меня сжимаются кулаки.

Я видел, как он повел ее. По тому, как его пальцы впились в ее руку, по тому, как он наклонился к ней, – я все понял. Понял мгновенно. И что-то внутри меня, та самая тщательно скрываемая, запретная часть, взорвалась бешенством. Я едва сдержался, чтобы не снести ему голову прямо там, в толпе, среди всех этих глупцов.

Право первой ночи. Древний, варварский обычай. Я всегда презирал его. Считал пережитком темных времен, унижением для женщины. Но сегодня... сегодня этот гнусный обычай стал единственным законным способом остановить его. Защитить ее.

Она идет рядом, подобравшись, стараясь прикрыть разорванное платье. От нее исходит легкий дрожащий звук – стучат зубы. От страха. От холода. От шока. Мне хочется остановиться, снять с себя пиджак, накинуть на ее плечи. Но я не делаю этого. Любое мое движение сейчас будет воспринято как угроза. Как часть того же насилия, что и действия Алишера.

Я веду ее в свои покои. Не в ту комнату, что приготовили для «молодоженов». Туда, где мое пространство. Мой запах. Мои правила. Я открываю дверь и пропускаю ее вперед.

Она замирает на пороге, озираясь. Комната просторная, аскетичная. Темное дерево, книги, вид на ночные горы через панорамное окно. Ничего лишнего. Ничего, что напоминало бы о сегодняшнем «празднике».

– Заходи, – говорю я, закрывая дверь. Щелчок замка звучит оглушительно громко в тишине.

Она вздрагивает и оборачивается ко мне, прижимаясь спиной к косяку, готовая к бегству, которого нет.

И вот мы одни.

Салима стоит посреди моей комнаты, вся в слезах и в разорванном подвенечном платье, самое прекрасное и самое несчастное существо, которое я видел в своей жизни. Мне сорок лет. Я видел многое. Но это... это сводит с ума.

Я давно влюблен в нее. Глупо, безнадежно, как мальчишка. С того самого дня, когда увидел ее на каком-то семейном приеме полгода назад. Она смеялась, запрокинув голову, и солнце играло в ее волосах. Она была живой. Настоящей. А потом я узнал, что отец прочит ее Алишеру. Моему ветреному, жестокому, испорченному брату, который не способен оценить ее, который сломает ее, как ломает все, к чему прикасается.

Я ничего не мог сделать. Не мог заявить о своих чувствах. Не мог просить ее руки для себя. Старший брат, отбирающий невесту у младшего? Это скандал. Это удар по репутации семьи. Мне оставалось только молча наблюдать, как ее готовят на заклятие.

А теперь она здесь. В моей комнате. По праву, которое я ненавижу.

– Садись, – указываю на кресло у камина. В нем уже потрескивают поленья – я распорядился заранее. Знал, что ей будет холодно.

Она смотрит на кресло, потом на меня, не двигаясь с места.

– Что вы собираетесь со мной делать? – ее голос – хрупкий шепот, полный доведенного до предела ужаса.

Что я собираюсь делать?

О, Всевышний! Я хочу упасть перед ней на колени и целовать подол ее платья. Я хочу загородить ее собой от всего мира. Я хочу смыть с ее кожи прикосновение моего брата. Я хочу заглянуть в ее душу и найти там хоть крупицу чего-то, что не является страхом ко мне.

Но я не могу этого сказать. Не могу этого показать.

– Я собираюсь дать тебе возможность прийти в себя, – говорю и отворачиваюсь к столику с напитками. Мне нужно занять руки. Скрыть их дрожь. – И выпить. Тебе нужно выпить.

Я наливаю ей коньяк, не спрашивая. Наливаю себе. Подхожу, протягиваю бокал. Она не берет. Смотрит на него, как на яд.

– Это не должно было так произойти, – говорю я тихо, опуская бокал на столик рядом с ней. – То, что сделал Алишер... Этого не должно было случиться.

Она поднимает на меня глаза. Слезы застыли на ресницах, делая их еще темнее.

– А то, что делаете вы? Это должно было случиться? Этот... обычай?

В ее голосе – вызов. Вот оно! Мое сердце сжимается от чего-то похожего на гордость. Она не сломана. Совсем нет.

– Это единственная причина, по которой ты не принадлежишь ему сейчас, – мои слова звучат жестко, но это правда. Горькая правда. – Закон и традиция на моей стороне. На твоей – пока нет.

– И что теперь? – она закусывает дрожащую губу. – Вы воспользуетесь своим «правом»?

Я смотрю на нее. На ее бледное лицо. На синяк, проступающий на ее запястье, где держал ее Алишер. На разорванный шелк платья. Я чувствую дикую, всепоглощающую ярость. К нему. К этой ситуации. К самому себе за то, что желаю ее сейчас, здесь, вопреки всему.

– Нет, – выдыхаю я.

Это слово дается мне с трудом. Потому что каждая клетка моего тела кричит «да».

– Я не он. Я не трону тебя против твоей воли. Никогда.

Она замирает, не веря. Ищет подвох в моих словах.

– Тогда... зачем я здесь?

Зачем? Потому что я не могу отпустить ее. Потому что если она выйдет за эту дверь, он найдет ее. И на этот раз меня не будет рядом.

– Чтобы переждать, – говорю я, отходя от нее, чтобы не смотреть в эти полные слез глаза. Чтобы не сорваться. – Чтобы он успокоился и понял, что ты под моей защитой. Чтобы ты могла прийти в себя. Эта комната – твоя на всю ночь. Я не притронусь.

Я подхожу к двери, ведущей в смежный кабинет.

– Запри за мной дверь, если захочешь.

И я ухожу. Оставляю ее одну. Потому что если я останусь там еще на секунду, я не ручаюсь за себя. Мое самообладание висит на волоске.

Я захлопываю за собой дверь спальни и опираюсь лбом о прохладное дерево. Руки дрожат. В висках стучит. Я слышу ее тихое, прерывистое дыхание там, за дверью. Она плачет. Я закрываю глаза.

Она ненавидит меня сейчас. Боится. Видит во мне такого же монстра, как и в нем.

И самое ужасное, что в чем-то она права.

Глава 5.

Салима

Дверь закрывается за ним с тихим, но окончательным щелчком. Я остаюсь одна. В огромной, чужой, мужской комнате. Тишина давит на уши, прерываемая только потрескиванием огня в камине и предательским шумом праздника где-то далеко-далеко.

Я медленно сползаю по стене на пол, поджав ноги. Колени подгибаются сами. Ткань разорванного платья безжизненно расползается вокруг меня, как лепестки мёртвого цветка. И тогда до меня доходит. Весь ужас этого дня. Принудительная свадьба. Похотливый взгляд Алишера. Его грубые, жадные руки на мне. И его... его старший брат. Камиль.

Спаситель? Или новый тюремщик?

Он сказал, что не тронет. Но он же привёл меня сюда. По какому-то дикому, варварскому праву. Он смотрел на меня так, как будто... как будто знал меня. Как будто ему больно за меня. Но это невозможно. Он просто соблюдает ритуал. Сохраняет лицо семьи.

Глухие, горькие рыдания вырываются наружу. Я плачу, уткнувшись лицом в колени. Плачу о своей свободе, о своей несбывшейся жизни, о теле, которое уже не принадлежит только мне. Его подарили. Сначала одному, теперь – другому. Пусть и с отсрочкой.

Я не знаю, сколько прошло времени. Минуты? Часы? Слёзы начали иссыхать, оставляя после себя пустоту и головную боль. Я сижу на полу, глядя на огонь в камине, и чувствую себя совершенно разбитой.

Вдруг дверь в спальню скрипит. Я вздрагиваю и вжимаюсь в стену, как испуганный зверёк. Он вернулся.

Камиль входит. В его руках свёрток из шелковой белой ткани. Его лицо напряжено, словно он шёл на эшафот. Он не смотрит на меня сразу, его взгляд скользит по комнате, по мне, сидящей на полу в обрывках свадебного платья.

– Встань, – говорит он тихо. Его голос странный, сдавленный.

Я не двигаюсь, парализованная новым витком страха. Что он несёт? Зачем вернулся?

Он не повторяет. Разворачивает ткань. Это большая простыня. Камиль расстилает её на огромной кровати, которая стоит в центре комнаты. Белое, чистое, безжалостное полотно. Символ, который я понимала слишком хорошо. Доказательство невинности. Или его отсутствия.

Затем он поворачивается ко мне. В его руке вдруг оказывается стальной клинок небольшого, изящного кинжала, что висел на стене среди прочих предметов роскоши. Я в ужасе отползаю назад.

– Не бойся, – он говорит, и в его голосе слышится усталость. Глубокая, бездонная усталость. – Это не для тебя.

Он подходит к кровати, к этой зловещей белой простыне. Кладет свою левую ладонь на ткань. Правой рукой, без тени колебания, он проводит лезвием по своей собственной ладони.

Я застываю, глаза расширяются от ужаса и непонимания.

Кровь, тёмная и густая, мгновенно наполняет линию разреза и капает на белизну простыни. Растекается, образуя яркое, алое, обманчивое пятно.

Он не издает ни звука. Только сжимает кулак, и кровь течет быстрее, обильно пропитывая ткань. Его лицо остается каменным, лишь губы плотно сжаты.

И я начинаю понимать. Всё это представление... эта жертва... Это для них. Для родни. Для Алишера. Чтобы все думали, что он воспользовался своим правом. Что он взял меня. Что я больше не невинна.

Он совершил над собой этот странный, жестокий ритуал, чтобы... защитить меня? Сохранить мою честь в их глазах? Или свою? Или чтобы его брат окончательно отступил?

Слезы хлынули из моих глаз с новой силой. Но теперь это не слёзы страха или отчаяния. Слёзы от осознания всей чудовищной абсурдности происходящего. От этого молчаливого, кровавого жеста. От его боли, которую он принял на себя вместо того, чтобы причинить её мне.

Я рыдаю, не в силах остановиться. Рыдаю так горько и безнадежно, что всё тело содрогается от этих судорожных всхлипов.

Камиль быстро перевязывает свою ладонь куском чистой ткани от той же простыни, стиснув зубы от боли. Затем он поворачивается ко мне. На его лице появляется растерянность, тревога.

– Салима... – он произносит моё имя, и оно звучит как щелчок. Он делает шаг ко мне. – Перестань. Всё кончено.

Но я не могу остановиться. Истерика захлёстывает меня с головой.

И тогда он делает это...

Он закрывает расстояние между нами, опускается на колени передо мной, сидящей на полу, и... обнимает меня.

Его руки – сильные, огромные – осторожно обвили мои плечи. Он притягивает меня к своей груди, нежно, но твёрдо. Я утыкаюсь лицом в его грудь в дорогой рубашки, чувствуя запах его кожи, мыла и теперь ещё – сладковатый, металлический запах крови.

– Тихо, – шепчет он глухо над моим ухом. Его дыхание тёплое. – Всё хорошо. Всё кончено. Я обещаю.

Я не сопротивляюсь. Мне не хватает сил. Я просто плачу и плачу в его плечо, а он держит меня, один огромный, твёрдый монолит в моём рушащемся мире. Он гладит мою спину через шёлк платья, большая ладонь движется медленно, успокаивающе.

И постепенно мои рыдания стихают. Остается только глубокая, всепоглощающая усталость. И осознание одного: его объятия не были объятиями захватчика. Они были... убежищем.

Глава 6.

Камиль

Салима засыпает прямо у меня на руках. От изнеможения, от шока, от выплеснувшихся наружу эмоций. Ее дыхание становится ровным и глубоким, лицо, размягченное сном, наконец, утратило следы паники. В слезах она выглядела разрушенной. Во сне – просто очень юной и беззащитной.

Я не решаюсь пошевелиться, боюсь разбудить. Ее голова лежит у меня на груди, волосы рассыпались по моей окровавленной рубашке. Рука, которую я разрезал, горит огнем, но эта боль ничтожна по сравнению с тем, что творится у меня внутри.

Я бережно, с невероятной осторожностью, на какую только способен, поднимаю ее на руки. Она легкая, почти невесомая. Отношу ее к кровати, к той самой, где на простыне алеет пятно моей крови – фальшивое свидетельство ее позора и моего греха.

Укладываю на подушки. Она что-то шепчет во сне и поворачивается на бок, поджав колени, в позу эмбриона. Ищет защиты. Я натягиваю на нее одеяло, скрыв от глаз ее разорванное платье, ее обнаженные плечи. Мне не следует этого делать. Мне нужно выйти и оставить ее одну. Но ноги не слушаются.

Я стою и смотрю на нее. На эту девушку, которая стала моим наваждением, моей тихой, запретной болью. А теперь она лежит в моей постели, и по закону этого проклятого места она действительно принадлежит мне. Только не так, как я хотел. Не так, как мечтал в самые темные ночи.

Желание ударило в меня с новой, сокрушительной силой. Грубое, физическое. Я сжимаю кулаки, чувствуя, как под повязкой сочится кровь. Эта боль мне нужна. Как якорь, удерживающий меня от безумия. От того, чтобы лечь рядом, прикоснуться к ее коже, почувствовать тепло ее тела не через ткань одеяла.

Я отворачиваюсь. Подхожу бару, наливаю себе виски, не разбавляя. Алкоголь обжигает горло, но не может прогнать жар под кожей. Я думаю об Алишере. О его похотливой ухмылке. О том, как он прикасался к ней. Ярость, черная и густая, подступает к горлу. Если бы он был здесь сейчас, я бы, наверное, убил его. Без раздумий.

Он получит эту проклятую простыню. Увидит пятно и будет считать, что я сломал ее. Будет ждать, когда я закончу, чтобы приступить к своей очереди. Мысль о том, что его руки снова коснутся ее, вызвала у меня тошноту.

Никогда.

Это слово прозвучало у меня в голове с железной четкостью. Я не знаю, как именно. Не знаю, какой ценой. Но он больше не прикоснется к ней. Она не его. Она никогда не была его.

Она что-то снова бормочет во сне, и одеяло сползает с ее плеча. Я машинально делаю шаг вперед, чтобы поправить, и замираю. Не могу. Просто смотрю на изгиб ее шеи, на тень от ресниц на щеке.

Я – старший в роду. Оплот традиций, хранитель устоев. И я только что совершил величайшее предательство по отношению к собственному брату. Не потому, что не тронул его жену. А потому, что желаю ее для себя. Потому что готов растоптать все эти устои ради одного ее взгляда. Ради возможности дотронуться без этой лжи, без этой боли.

Я не знал о планах Алишера. Я вообще не знаю, зачем ему понадобилось жениться. Мы не так близки с братом, как хотелось бы. Он избалованный отцом, младший любимчик. А мне досталась роль паровоза, который все тянет на себе. Я рано был допущен к бизнесу. Отец считал, что я должен научиться всему, как можно скорее. Драл с меня три шкуры. Никогда не хвалил. И всегда, всегда твердил, чтоб я помогал младшему.

У меня были отношения с женщинами. Даже брак... Одно слово, а не... Не то, что должно быть на самом деле.

И Салима что-то всколыхнула во мне. Новые, неизведанные чувства. Я боялся их, но... Как мотылек, летел на огонь. Я очень хотел, чтобы это было любовью. Хотел знать, что это такое. Даже если я сгорю заживо.

Допиваю виски и ставлю бокал с таким треском, что стекло едва не лопается. Мне нужно уйти. Выбраться из этой комнаты, где ее дыхание сводит меня с ума.

Я иду к двери. Тянусь к ручке. Но оборачиваюсь. Еще раз. Она спит, доверчиво прижавшись к моей подушке.

– Ты под моей защитой, – шепчу.

Это не просто фраза. Это клятва. Самому себе. И ей. Даже если она ее не слышит.

Я ухожу в отцовский кабинет, прикрыв за собой дверь. Не запираю ее. Пусть знает, что она в безопасности. Что я не тюремщик.

Опускаюсь в кресло за столом, упираюсь локтями в столешницу и сжимаю голову руками. Повязка на ладони красная. Как и простыня на моей кровати. Как и мои мысли.

Где-то внизу все еще гудит праздник. Они празднуют чье-то несчастье. Ее. Мое. Алишера.

Я сижу так долго, слушая тишину за дверью и гул в своей крови. Знаю, что все только начинается. И что я уже не отступлю.

Глава 7.

Салима

Глухой удар где-то внизу, крик, приглушенный стенами, вырывают меня из тревожного, поверхностного сна. Я мечусь на кровати, сердце бешено колотится. Где я? Понадобилась секунда, чтобы вспомнить. Чужая роскошная спальня. Платье – изорвано. Простыня... на простыне алело пятно. Память возвращается, обжигая стыдом и страхом.

Дверь распаивается так резко, что ударяется о стену. В проеме стоит Камиль. Он дышит тяжело, словно только что бежал. Его лицо бледное, иссеченное тенями, а в глазах горит какой-то дикий, незнакомый огонь. Его рубашка, та самая, в которую я плакала, в темных, влажных пятнах. Одно пятно, на боку, огромное и черное в полумраке. И его левая рука, перевязанная той самой импровизированной повязкой, вся в крови, которая сочится сквозь ткань и капает на паркет.

– Вставай, – его голос хриплый, сдавленный, почти не его. – Сейчас же. Поторопись.

– Что? Что случилось? – я сжимаюсь под одеялом, не в силах пошевелиться от подступающего ужаса.

– Салима, ради Всевышнего, сейчас не время! – он подходит к кровати, его движения резкие, почти неуклюжие. Он хватает с ближайшего стула какой-то темный халат, видимо, свой, и бросает мне. – Надень. Иди за мной. Если хочешь жить.

Последние слова звучат так убедительно и так страшно, что я механически набрасываю на себя тяжелый халат, запахиваю его дрожащими пальцами и сползаю с кровати. Ноги не слушаются.

Он, не глядя, хватает меня за руку и тащит за собой. Его ладонь липкая от крови и ледяная.

Мы выходим в коридор. Там пахнет порохом и чем-то сладковато-металлическим, от чего сводит желудок. Свет горит не везде, некоторые лампы разбиты. И потом я вижу их.

Тела. В неестественных позах, на паркете, в темных лужах. Гости. Те самые, что несколько часов назад улыбались и поздравляли меня. Я замираю, вскрикнуть не получилось – воздух перехватило. Мой взгляд лихорадочно скользит по лицам, ища отца, ища Алишера... Их нет.

– Не смотри, – резко обрывает он меня и тянет за собой сильнее, почти несет меня, потому что ноги полностью отказывают. – Идем. Быстрее.

– Кто?.. Что?.. – я задыхаюсь, спотыкаюсь. – Отец? Алишер?

– Они живы, – выдыхает он, и в его голосе звучит ненависть, когда он произносит имя брата. – Это было нападение. Месть одного из кланов. Они ищут нас. И тебя в том числе.

Он буквально вталкивает меня в лифт. Двери закрываются, отсекая жуткую картину бойни. Я прислоняюсь к стене, меня трясет крупной дрожью. Камиль стоит ко мне спиной, тяжело дышит. Я вижу, как темное пятно на его боку расплзается.

Лифт спускается в подземный гараж. Он ведет меня к черному, массивному внедорожнику, сажает на пассажирское сиденье, сам плюхается за руль. Двигатель ревет, и мы с визгом шин уносимся из гаража в ночь.

Я молчу. Смотрю в окно, за которым мелькают огни города, а потом и совсем темнота – серпантин горной дороги. Слезы текут по моим щекам. Свадьба. Право первой ночи. Трупы. Побег. Это кошмар. Самый настоящий.

Он едет молча, сжимает зубы. Иногда он одной рукой прижимает свой бок, и на лбу у него выступает пот. Он серьезно ранен. И теряет кровь.

Через целую вечность мы сворачиваем с дороги, проезжаем через массивные, автоматически открывающиеся ворота и останавливаемся перед современным, угрюмым бетонно-стеклянным домом, встроенным в скалу. Он выглядел как неприступный бункер.

– Выходи, – его голос все слабее. – Это мое место. Здесь безопасно.

Он кое-как выбирается из машины и, шатаясь, ведет меня к двери. Включается свет. Интерьер минималистский, холодный и строгий, как и он сам. Все из бетона, стекла и стали.

Камиль толкает меня внутрь, сам переступает порог, обводит взглядом комнату, словно проверяя, все ли в порядке. И тогда силы окончательно оставляют его.

Его глаза закатываются, колени подкашиваются, и он падает на пол в прихожей как подкошенный.

– Камиль! – наконец, вырывается у меня крик.

Я бросаюсь к нему, опускаюсь на колени. Он лежит без сознания, бледный как смерть. Его рубашка на боку полностью пропитана кровью. Повязка на руке тоже.

Кровь. Везде кровь. На мне, на нем, на полу.

И я остаюсь одна. В незнакомом доме, в глуши, с тяжелораненым мужчиной, который был моим единственным шансом выжить. И которого я боялась всего несколько часов назад.

Глава 8.

Салима

Я застываю на коленях, вцепившись в его окровавленную рубашку, не в силах пошевелиться, не зная, что делать. Кричать? Но кто услышит в этой каменной глуши? Искать телефон? Мои пальцы дрожат так, что я едва могу дышать.

– Босс?!

Глухой окрик, звук нескольких пар ног – и в прихожую влетают трое мужчин. Одеты они в простую, практичную черную одежду, лица напряжены, они сразу видят Камиля на полу, а затем – меня. Их взгляды, быстрые и оценивающие, скользят по мне, по моему лицу, заплаканному и перепуганному, по небрежно брошенному мужскому халату поверх свадебного платья.

– Что случилось? – резко бросает один из них, самый крупный, с шрамом на щеке, опускаясь рядом с Камилем. Его пальцы уверенно нащупывают пульс на шее.

– Он... он ранен, – выдыхаю я, едва узнавая свой собственный голос. – В бок и руку. Он потерял много крови... и потом просто упал...

Двое других уже действуют слаженно и молча. Один бросается закрывать и запирать входную дверь, другой исчезает в глубине дома и почти сразу возвращается с большой аптечкой.

– Доктор в пути, – отрывисто говорит тот с аптечкой. – Десять минут.

Мужчина со шрамом и его напарник осторожно, но уверенно переворачивают Камиля на спину. Тот, самый мощный и строгий мужчина, который вытащил меня из лап родного брата, лежит безвольный, бледный, и от этого становится еще страшнее.

Шрам, как я мысленно называю его, потому что не знаю имени, разрезает ножом окровавленную рубашку, обнажив рваную, страшную рану на боку. Я ахаю и отвожу глаза, чувствуя, как подкатывает тошнота.

– Кто вы? – резко спрашивает меня тот, что принес аптечку. Его тон не грубый, но полный недоверия. – Невеста Алишера или уже жена? Что вы здесь делаете?

– Он... он привез меня, – пытаюсь объяснить, но слова путаются. – Было нападение... в доме... все мертвы...

– Мы знаем о нападении, – холодно парирует он. – Мы не знаем, почему вы здесь.

В это время Шрам и его товарищ, игнорируя меня, поднимают Камиля с пола и несут вглубь дома. Я машинально вскакиваю и бегу за ними.

– Стойте! – кричит тот, что остался со мной, преграждая мне путь. Его лицо непроницаемое. – Вам не туда. Идите в ту комнату, – он указывает на одну из дверей в коридоре. – И оставайтесь там.

Острая, незнакомая мне до сих пор волна гнева поднимается изнутри. Страх отступает, сметенный этой новой силой. Эти люди видят во мне чужачку, проблему, пленницу. Но Камиль привез меня сюда. Он рисковал ради меня жизнью. Он лежал там без сознания, и я не позволю им оттеснить меня в сторону, как надоедливого ребенка.

– Нет, – говорю я, и мой голос звучит тверже, чем я сама ожидаю. Я выпрямляюсь во весь свой невысокий рост, глядя ему прямо в глаза. – Я должна быть с ним. По вашему же обычаю. По праву первой ночи. И я буду рядом с ним. Вы не имеете права меня прогнать.

Он смеряет меня удивленным взглядом. Видимо, он ждал истерики, слез, но не такого тихого, холодного вызова. Я сама не ожидала от себя таких слов. Но они были правдой. В этом безумном мире я действительно принадлежу сейчас Камилю. И сейчас это моя единственная защита и мое право.

– Девушка... – начинает он, но его перебивает шум у входа.

В дом входит еще один человек – пожилой, с умными, строгими глазами и с черным чемоданчиком в руке. Доктор. Он одним взглядом оценивает ситуацию.

– Где он? – спрашивает строго, и в тоже время устало.

– В спальне, – отвечает мой «охранник», на мгновение отвлекаясь.

Я пользуюсь его замешательством и резко прошмыгиваю мимо него в коридор, куда унесли Камиля. Я иду на звук голосов, сердце колотится где-то в горле. Я толкаю дверь.

Они уже уложили его на огромную кровать. Заходит доктор, склоняется над раной, его руки двигаются быстро и профессионально. В воздухе пахнет антисептиком.

Шрам оборачивается на меня, его лицо искажается от раздражения.

– Что ты здесь...

– Оставьте ее, Тамир, – неожиданно тихо, но властно говорит доктор, даже не оборачиваясь. – Если она его жена, пусть остается. Ему может понадобится помощь. Или просто... чтобы кто-то был рядом.

Тамир – тот самый с шрамом – с неохотой отступает, бросив на меня колкий взгляд, но подчиняется.

Я прижимаюсь к косяку, стараясь не мешать, не дышать, просто наблюдаю. Я вижу, как доктор обрабатывает рану, накладывает швы. Вижу, как Камиль, даже без сознания, иногда стонет от боли, и каждый раз это отзывается во мне острой болью. Я вижу его лицо – ослабленное, без привычной суровой маски. И впервые он не кажется мне пугающим титаном. Он просто раненый человек. Человек, который спас меня.

Когда доктор заканчивает с раной на боку и переходит к его руке, я набираюсь смелости и делаю шаг вперед.

– Чем я могу помочь? – тихо спрашиваю.

Доктор мельком смотрит на меня.

– Принеси таз с теплой водой и чистые полотенца. В ванной через стенку.

Я киваю и бросаюсь выполнять поручение. Это было дело. Маленькое, но дело. Оно отвлекает от ужаса, от чувства полнейшей беспомощности. Я приношу воду, подаю полотенца, держу свет, когда просят.

Наконец, все закончено. Раны перевязаны, Камилю сделали укол, и его дыхание стало чуть ровнее, хотя он все еще не приходит в себя и страшно бледен.

Доктор вытирает руки и поворачивается ко мне.

– Он сильный. Потерял много крови, но жив. Теперь все зависит от него и от ухода.

Я киваю, сглатывая ком в горле.

Тамир и другие смотрят на меня теперь с чуть меньшим недоверием. Видели, что я не мешала, а помогала.

– Я останусь с ним, – говорю, и на этот раз это звучит не как вызов, а как констатация факта.

Доктор кивает.

– Хорошо. Если поднимется температура или он начнет метаться – сразу зови. Я буду рядом.

Они выходят, оставив меня одну в комнате с Камилем. Я подхожу к кровати, опускаюсь в кресло рядом и осторожно дотрагиваюсь до его руки. Она холодная. Я накрываю ее своими ладонями, пытаюсь согреть.

Снаружи доносятся приглушенные голоса его людей, охранявших дом. Внутри тихо, слышится только его хриплое, прерывистое дыхание.

Я не понимаю, что происходит. Кто напал? Почему? Где отец? Где Алишер? Но все эти вопросы меркнут перед одним: он должен жить. Он должен выжить.

Потому что он стал моим якорем в этом хаосе. Моим единственным шансом.

Глава 9.

Салима

Тикают часы. Ровный, монотонный звук, в такт которому я сверяю его дыхание. Вдох. Выдох. Пауза, от которой замирает сердце. Снова вдох. Он жив. Пока жив.

Я не отхожу от кровати. Мои пальцы все так же лежат на его холодной руке, будто мое прикосновение может удержать его здесь, в этом мире. Ночь за окном сменяется серым рассветом, а потом и холодным днем, но в комнате царит полумрак, нарушаемый лишь светом лампы у изголовья.

Доктор заходит время от времени, проверяет повязки, пульс, колет что-то в вену. Он смотрит на меня с беспокойством.

– Тебе нужно отдохнуть, девочка. Поспать. Ты не спала всю ночь.

– Потом, – отвечаю я каждый раз, даже не оборачиваясь. – Я не могу сейчас.

И правда, не могу. Веки слипаются, тело ноет от усталости, но мысль о том, чтобы закрыть глаза и выпустить его из поля зрения, кажется предательством.

И вот он начинает метаться. Сначала тихо, просто стонет во сне. Потом сильнее. Голова поворачивается на подушке, губы шепчут что-то несвязное. Я наклоняюсь, стараясь разобрать слова.

– Нет... – его голос хриплый, разбитый. – Не смей... Алишер... отпусти ее... Салима...

Мое имя. Он говорит мое имя. Нежность и боль сжимают горло. Даже в бреду он там, в том коридоре. Он борется за меня.

– Я здесь, – шепчу я, сжимая его руку чуть сильнее. – Я здесь, Камиль. Все хорошо.

Он не слышит. Он в другом мире, полном боли и угроз.

– Кровь... слишком много крови... – он бредит той самой ночью, своим поступком. – Простыня... должны поверить...

Он пытается защитить меня даже в беспмятстве. Сохранить эту чудовищную ложь, которая спасла меня от другого кошмара. Слезы снова наворачиваются на глаза, но я смахиваю их тыльной стороной ладони. Некогда плакать.

Доктор входит на звук его голоса, поправляет капельницу, успокаивающе кладет руку ему на лоб.

– Лихорадка, – коротко объясняет он мне. – Ожидаемо. Пройдет.

Но он не уходит. Стоит рядом, наблюдая, как я глажу Камилю руку, как шепчу ему что-то успокаивающее, бессмысленные слова, лишь бы он слышал мой голос.

– Вы правда хотите ему помочь? – наконец спрашивает доктор.

– Да! – в моем голосе столько отчаяния, что ему, кажется, и не нужно другое подтверждение.

– Тогда лягте. Хотя бы на час. Иначе вы сами сляжете, и кто будет за ним ухаживать? Я? А если понадобится именно вы?

Его логика безупречна и ужасна. Он прав. Я слабею с каждой минутой. Я киваю, сломленная.

– Час. Только час.

Он указывает мне на широкий диван у стены. Я иду к нему, ноги подкашиваются. Падаю на мягкую кожу, не снимая халата, и проваливаюсь в черный, бездонный сон, лишенный сновидений.

Меня будят не звуки, а ощущение чужого присутствия. Я открываю глаза и вздрагиваю. В дверях стоит Тамир. Тот самый, со шрамом. В руках у него поднос с едой – лепешки, сыр, что-то еще. Он смотрит на спящего Камиля, а потом его тяжелый взгляд переходит на меня.

– Жив? – бросает он своим грубоватым голосом.

– Да, – сажусь, оправляя сбившийся халат. – Доктор говорит, лихорадка, но он борется. Тамир молча ставит поднос на стол рядом со мной.

– Ешь. Нечегодохнуть с голоду.

Это похоже на заботу, сказанную на его языке. Я киваю и машинально отламываю кусок лепешки. Есть не хочется, но силы нужны.

Он не уходит. Стоит, наблюдает, как я пытаюсь жевать.

– Он, – Тамир кивает в сторону кровати, – никогда не был сторонником старых обычаев. Презирал это право первой ночи. Говорил, что это дикость.

Я перестаю жевать, смотря на него. Зачем он мне это говорит?

– Но против Алишера... – Тамир делает паузу, и его глаза сужаются. – Он пошел. При всех. Расскажи, как это было.

Он не требует. Он просит. Но в его тоне слышится потребность узнать, понять поступок своего босса, который для него самого, видимо, был полной неожиданностью.

И я рассказываю. Голосом, все еще хриплым от слез и усталости, я рассказываю про тот коридор. Про грубость Алишера. Про свой ужас. И про то, как появился Камиль. Как он был холоден и непоколебим. Как он говорил о своем праве. Как остановил брата.

Я не говорю про кровь на простыне. Это останется между нами.

Тамир слушает, не перебивая. Его лицо – каменное. Когда я заканчиваю, он долго молчит.

– Значит, так, – наконец выдыхает он. – Чтобы защитить. Понятно.

Эти два слова значат для него все. Он видит в этом не нарушение закона, а действие по закону долга – защищать того, кто слабее. Его отношение ко мне меняется в эту секунду. Я вижу это по тому, как он чуть кивает, прежде чем развернуться к выходу.

– Если что, – бросает он на прощание, – я за дверью.

Он уходит. Я остаюсь одна с едой и его молчаливым признанием.

Подхожу к кровати. Камиль спит более спокойно, кажется, жар спадает. Я осторожно касаюсь его щеки. Она все еще горячая, но уже не обжигающая.

– Ты слышишь? – шепчу я. – Ты не один. Твои люди верны тебе. И я... я здесь.

И впервые за эти сутки я чувствую не просто страх или благодарность. Я чувствую что-то новое, тяжелое и теплое, что поселилось глубоко в груди. Что-то, что заставляет меня держаться.

Глава 10.

Салима

Я дремлю, сидя в кресле, моя рука все так же лежит на руке Камиля. Его дыхание стало ровнее, глубже. Доктор сказал, что кризис миновал, и теперь нужно время. В комнате пахнет лекарствами и тишиной, прерываемой лишь мерным тиканьем часов и нашим с ним дыханием.

И вдруг этот хрупкий мир взрывается.

Снаружи, за дверью, слышатся громкие, резкие голоса. Женский, визгливый и требовательный, и низкий, пытающийся успокоить – Тамира.

– Пустите меня! Я знаю, что он здесь! Я должна его видеть! Немедленно!

Я вскакиваю, сердце бешено колотится. Кто это?

Дверь с силой распахивается, ударившись о стену. В проеме стоит женщина. Высокая, ослепительно красивая, с идеальной укладкой и в дорогом, подчеркивающем каждую линию тела, платье. Ее глаза, подведенные словно для съемок, мечутся по комнате, находят Камиля на кровати, меня рядом с ним, и в них вспыхивает такая ярость, что я инстинктивно отпрянула.

– Кто ты? – ее голос – ледяное лезвием, направленное прямо в меня. – И что ты делаешь рядом с моим мужем?

Мой муж. Слова звучат как пощечина. Мир плывет. Камиль... женат? Но тогда... что я? Зачем он тогда... Право первой ночи... Все мои недавние чувства, вся зарождающаяся привязанность рушатся в одно мгновение, оставив лишь леденящую пустоту и стыд.

Я не могу вымолвить ни слова, просто стою и смотрю на нее, чувствуя себя грязной, украденной вещью.

– Лейла, тебе не следовало сюда приходить, – позади женщины возникает Тамир.

Его лицо мрачное, он пытается взять ее под локоть, но она резко вырывается.

– Не смей меня трогать! – она шипит на него, а затем снова переводит взгляд на меня. – Я спрашиваю, кто эта... эта грязная девчонка, рядом с моим мужем?

– Это не твое дело, Лейла, – голос Тамира становится тверже, в нем звучит сталь. – Уходи. Сейчас.

– Не мое дело? – она фальшиво смеется. – Он мой муж! Я его единственная любимая женщина! А это что? Его новая пассия, которую он притащил сюда, пока я была в отъезде? И он из-за нее чуть не погиб?

Она делает шаг ко мне, ее глаза полыхают дьявольским огнем.

– Убирайся отсюда. Немедленно. Пока я не позволила охране вышвырнуть тебя.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Это была его жена. Настоящая. Законная. И я... я была никем. Развлечением. Данью дикому обычаю.

Но прежде чем я смогла что-то сказать или хотя бы пошевелиться, Тамир резко встает между нами. Он огромен, и его спина полностью закрывает меня от женщины.

– Это ты сейчас уйдешь, Лейла, – говорит он тихо, но так, что по коже бежит холодок. – И не поднимешь здесь больше голос. Камиль не терпел истерик. И я не потерплю.

– Ты... ты кто такой, чтобы указывать мне? – ее уверенность пошатывается, но гордыня не позволяет отступить.

– Я тот, кто выполняет приказы шефа. А его последний приказ – охранять ее, – он кивает в мою сторону. – Так что успокойся и выйди. Или я выставлю тебя силой. И тебе будет неловко.

Лейла замирает, оценивая ситуацию. Она понимает, что Тамир не шутит. Ее взгляд, полный ненависти, скользит с него на меня, потом на бесчувственного Камиля.

– Он все узнает, когда очнется, – она бросает это как проклятие. – Он узнает, как ты со мной обошелся.

Она резко разворачивается и выходит, громко хлопнув дверью.

В комнате повисает тяжелая тишина. Я стою, обняв себя руками, пытаюсь остановить дрожь. Жена. У него есть жена.

Тамир поворачивается ко мне. Его лицо серьезное.

– Пошли.

– Куда? – шепчу, не в силах осознать происходящее.

– Я отведу тебя в другую комнату. Ты не можешь оставаться здесь.

– Но... он... – я смотрю на Камиля.

– Он в безопасности. Доктор здесь. А ты... тебе не нужно это видеть и слышать. Идем.

В его тоне нет неприязни, как в первый раз. Есть усталая необходимость. Он уводит меня от беды. От скандала. От жены своего босса.

Я молча киваю, чувствуя себя абсолютно разбитой. Я беру с тумбочки свою чашку с водой, и покорно иду за Тамиром.

Он проводит меня через коридор в небольшую, но уютную гостевую спальню.

– Никуда не выходи. Ни с кем не разговаривай. Я принесу тебе еду. Если что, стукни в стену. Я буду рядом.

Он закрывает дверь. Я не слышу щелчка замка, но понимаю, что это та же тюрьма.

Я опускаюсь на кровать и утыкаюсь лицом в подушки. Они пахнут чужим, дорогим стиральным порошком. Не им.

Слез нет. Только тяжелый, давящий груз реальности. Он был не свободным рыцарем, пришедшим на помощь. У него была своя жизнь. Своя «единственная любимая женщина».

Буду рада, если вы останетесь со мной и героями, купив книгу))

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.